

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ КЪ НАУКЪ О ДУШЪ (ПСИХОЛОГИИ).

Очень легко понять и объяснить страстный и очень и очень недружелюбный тонъ оппонентовъ на статьи, развѣнчивающія идеалы: самолюбіе и мармонизмъ.

Воспитываемые и обучаемые даже въ высшемъ учебномъ учрежденіи въ необоснованномъ ученіи — будто прямой безобманный путь воздѣйствія на нравственный элементъ война нынѣ не можетъ имѣть успѣха, а потому *полезно* (??) поднадуть этотъ нравственный элементъ и искать успѣха дѣйствіемъ на низшія чувства человѣка, какъ на примѣръ, на голодъ, самолюбіе, честолюбіе.... эти люди, привыкшіе называть, на примѣръ, самолюбіе «возвышеннымъ» чувствомъ, конечно, считаютъ дѣйствіе на низшія чувства—идеаломъ воинскаго воспитанія и устоями военнаго дѣла; и, наоборотъ, сами ужасаются чудаку, осмѣлившемуся заявить: зачѣмъ обманъ, когда легче сказать правду; зачѣмъ кумиръ, когда сильнѣе истинный Богъ; и зачѣмъ кривить душой

и проповѣдывать возбужденіе низкихъ чувствъ и страстей, всегда междуособныхъ, когда проще и безъ сомнѣнія надежныѣ воспитывать въ долгѣ, т. е. въ совѣсти....

Вотъ и понятно, что набрасываются на человѣка, подрывающаго и разрушающаго самый фундаментъ ихъ вѣроученія, сдѣлавшагося мозговымъ рефлексомъ, благодаря постоянному заучиванію.

На каждомъ шагу встрѣчаемъ печальные и разрушительные результаты пренебреженія къ наукѣ о душѣ, т. е. психологіи.

Сами военные только и говорятъ—какъ дѣйствовать на духъ войскъ, какъ *подбодрить*, какъ избѣжать *паники, страха, какъ дѣйствовать на высшія чувства (совѣсть, любовь къ отечеству)*, какъ *поработать умомъ, какъ привести въ исполненіе (волей, характеромъ) выработанное умомъ*.... и, однако, лучшіе военные—академисты, не стыдятся называть духъ «пресловутымъ», не стыдятся выказывать своего игнорированія психологіи и даже пренебреженія къ ней, относя *науку* о душѣ, о нравственномъ элементѣ, къ *религии*, т. е. *вѣрѣ* въ Бога, а потому подлежащей лишь вѣдѣнію духовенства.

Вольному воля, а спасенному рай, но военный не имѣетъ права не знать, а тѣмъ болѣе пренебрегать наукой о душѣ (психологіей). Хвалится же этимъ незнаніемъ, путая выработанныя тысячелѣтіями понятія и опредѣленія, и выставяетъ это незнаніе за живую душу, а ссылки на выработанные наукой опредѣленія—«книжной душой»—есть или варварство или глумленіе.

Такъ одинъ изъ моихъ оппонентовъ изволилъ глумиться надъ ссылками по психологіи по поводу опредѣленія низшихъ (эгоистическихъ, индивидуальныхъ, корыстныхъ—отношенія къ себѣ, личная выгода) чувствъ человѣка и высшихъ (отношенія къ другимъ, къ ближнимъ, т. е. долгъ или совѣсть). Но чтобы сказалъ этотъ оппонентъ, если бы за то, что онъ привелъ опредѣленіе, напримеръ, изъ географіи о материкѣ и океанѣ, ему бы возразили, что этими опредѣленіями нельзя рѣшить вопроса или спора, что надо имѣть душу живую, а не книжную, а потому подъ океаномъ надо понимать материкъ?

Я уже много писалъ, какъ подъ словомъ самолюбіе понимали честь и достоинство человѣка (1-е отношеніе къ самому себѣ, 2-е отношеніе къ другимъ, такъ какъ отношеніе къ себѣ не можетъ

заключатъ чести и достоинства), т. е. подъ материкомъ понимали океанъ. Этого главнѣйшаго отличительнаго признака самолюбія и не хотятъ видѣть люди, называющіе себя «живой душой», предполагая, что живость души не позволяетъ ей изучить, опредѣлить себя...

Наука о душѣ, т. е. наука о душевныхъ явленіяхъ, книжная или живая, одинаково говоритъ, что понятія: *хорошо или дурно, честно или нечестно, корректно или подло*—опредѣляютъ поступки человѣка по отношенію къ другимъ — *единичнымъ субъектамъ или цѣлымъ массамъ, и именно этимъ и опредѣляется честь и достоинство каждаго, т. е. опредѣляется его нравственная или духовная цѣнность* по отношенію къ другимъ, къ ближнимъ, кто бы эти ближніе ни были: жена, родные (семейная), общество (общественная), отечество (политическая) и т. д.

Регуляторомъ этихъ отношеній является относимая къ высшимъ чувствамъ человеческой души—совѣсть.

Отсюда ясно, что всякая дѣятельность человѣка для другихъ, или вмѣстѣ съ другими, какъ-то: семейная, общественная (въ томъ числѣ и военная), государственная, регулируется и возбуждается только высшими чувствами, а именно—совѣстью, честью, достоинствомъ, а не личными чувствами, для которыхъ понятія—честно или безчестно, корректно или подло, хорошо или плохо — для семьи, общества, государства—не существуютъ.

Вѣдь нельзя же сказать, что утоленіе голода, жажды... честно или нечестно, если только это дѣлается для своей личности безъ отношенія къ другимъ!

Точно также и *личное самолюбіе* (нельзя смѣшивать съ начинающимъ неправильно входить въ употребленіе самолюбіемъ массъ: національнымъ, общественнымъ....) не разбираетъ этихъ понятій (хорошо, плохо; честно, нечестно и пр.), а просто *любитъ самого себя* безразлично, какъ это «я» поступаетъ въ отношеніи другихъ — семьи, общества, арміи, отечества. Для самолюбія все хорошо, что «самъ», что выгодно «самому». Поэтому, если «самому» выгодна даже измѣна отечеству, даже предательство, даже гибель арміи и государства ради возвеличенія *самого я*, то этимъ возмутится не самолюбіе, а совѣсть; и пострадаетъ не самолюбіе (не смущающееся отношеніями къ другимъ и не идущее дальше «самого себя»), а честь и достоинство.

Вопреки принятому выраженію—людей «безъ самолюбія» нѣтъ:

самолюбіе есть у каждаго человѣка и хорошаго, т. е. честнаго и достойнаго, и у всякаго мошенника, грабителя, экспроприатора; но у послѣднихъ нѣтъ чести и достоинства, нѣтъ совѣсти. *Значить есть люди не безъ самолюбія, а безчестные, безсовѣстные и т. д. И не самолюбіе не позволяетъ дѣлать подлости, а совѣсть, воинская честь и достоинство.*

Неужели и съ этимъ будутъ спорить? Неужели и послѣ этого найдутся еще люди, которые будутъ называть самолюбіе «возвышеннымъ», даже «священнымъ», несмотря на всю комичность подобнаго пафоса?

Вѣдь все возвышенное, т. е. *возвышающееся* надъ естественными (по природѣ) актами личной жизни, какъ на примѣръ, самоотверженіе, защита другихъ съ рискомъ жизни, всякія великодушныя дѣйствія совершаются не изъ-за самолюбія, а потому что именно *самолюбіе побѣждается высшими чувствами*, какъ на примѣръ, совѣстью, честью, достоинствомъ, *не само-любіемъ, а само-отверженіемъ и великодушіемъ.*

Ясно, что на геройскіе подвиги съ рискомъ потери жизни толкаетъ не само-любіе, а самоотверженіе; защита Царя, отечества, семьи дѣло не самолюбія, а совѣсти (чувства долга), т. е. *ближняго-любія*; честное, достойное, корректное поведеніе тоже результатъ не самолюбія, а именно чести, достоинства человѣка (что указываетъ даже самое наименованіе).

Наконецъ, чтобы отнять послѣдній доводъ у понимающихъ подъ словомъ самолюбіе—возвышенныя чувства, какъ-то: совѣсть, честь, достоинство, необходимо разъяснить, что по психологій, да и такъ понятно—стыдъ есть принадлежность не самолюбія, а совѣсти, чести и достоинства, такъ какъ самолюбіе—любить самого себя такимъ, какой онъ есть, не разбирая, что въ немъ хорошо, что плохо, что достоинство и что недостатокъ, и апробуетъ все свое, всякій свой поступокъ. Только совѣсть, честь и достоинство могутъ упрекать за недостойный поступокъ.

Когда сажаютъ офицера подъ арестъ, то страдаетъ не самолюбіе, а честь и достоинство офицера. Самолюбіе только *обижается*; обижается *всегда*, такъ какъ оно не можетъ разобраться въ вопросахъ совѣсти, чести и достоинства, считаетъ свое я—всегда правымъ, а потому наказаніемъ—всегда напрасно обижено. Совѣсть же, честь и достоинство страдаетъ именно отъ сознанія своей неправоты, оттого, что «я» поставило себя въ положеніе, уни-

жающее честь и достоинство офицера; оттого, что офицера — защитника Царя и отечества, воспитателя народа, является необходимымъ лишить свободы, какъ будто для безопасности тѣхъ самыхъ гражданъ, которыхъ онъ долженъ защищать....

Итакъ, прямая и неумолимая логика говорить за то, что для пользы военнаго дѣла, арміи, общества, отечества надо развивать не самолюбіе, а совѣсть, честь и достоинство.

Тѣ государства, которыя желали поймать успѣхъ на удочку самолюбія, улавливали часто именно «игру самолюбія» со всѣми ея послѣдствіями: соперничествомъ, передачей неприятелю, ради удовлетворенія этого самолюбія; гибелью армій, измѣной своему государю и его интересамъ и пр... Вообще улавливали не самолюбцевъ, а свое же государство. Приведенный однимъ изъ моихъ оппонентовъ примѣръ Наполеона, сказавшаго: «Donnez un bouton d'honneur et on mourra pour vous» — очень неудаченъ, такъ какъ за Наполеона въ трудную минуту не умерли, а ему измѣнили. Это и понятно: низкіе поступки — единственное слѣдствіе возбужденія низкихъ страстей, чувствъ.

Ясно — насколько непедagogично развитіе личныхъ самолюбія.

Еще рельефнѣе и въ теоріи, и на практикѣ вредъ мармонизма ¹⁾ въ воспитаніи арміи. И если за мою статью о мармонизмѣ обрушились такъ же ²⁾, какъ за самолюбіе, то этому можно дать только то объясненіе, которое здѣсь дано по поводу развѣнчанія самолюбія.

Та же, ни на чемъ не основанная вѣра въ спасительность несуществующихъ устоевъ воспитанія арміи, вѣра въ пользу обманнаго внушенія, пользу гордости, самолюбія....

То же возмущеніе противъ проповѣдниковъ простоты, правды жизни, интересовъ общихъ, а не частныхъ.... То же пренебреженіе къ опредѣленіямъ науки явленій духа, т. е. психологіи, и то же толкованіе, что подъ словомъ материкъ слѣдуетъ понимать океанъ... Но кромѣ этого — еще замѣчательная смѣлость, съ которой опредѣляютъ смѣшеніе понятій тамъ, гдѣ оппонентъ самъ смѣшиваетъ эти понятія въ родѣ смѣшенія самолюбія съ честью и достоинствомъ....

¹⁾ Нѣчто въ родѣ полковаго патриотизма. См. «Русскій Инвалидъ» № 148.

²⁾ См. «Русскій Инвалидъ» № 169, ст. «Злая ересь «мармонствующихъ».

Я не могу полемизировать съ г. Габаевымъ въ виду полной невозможности намъ понять другъ друга, или вѣрнѣе въ виду пренебреженія г. Габаева къ опредѣленіямъ науки о явленіяхъ сознанія или души, т. е. психологіи.

Г. Габаевъ, подобно другимъ моимъ оппонентамъ, не считающимъ нужнымъ ознакомиться съ опредѣленіями науки о явленіяхъ духа, хотя имѣютъ дѣло и трактуютъ именно объ этихъ явленіяхъ духа,—упорно называетъ материкъ океаномъ; виновать—называетъ совѣсть, воинскую честь, достоинства война—самолюбіемъ и позволяетъ себѣ утверждать, что Наполеонъ, Суворовъ, Скобелевъ и пр. дѣйствовали не на чувство національной и воинской чести, достоинства, а на чувство самолюбія.... Я уже разобралъ, что дѣйствіемъ на самолюбіе нельзя даже обманнымъ способомъ купить геройства, самоотверженія, и тамъ, гдѣ Наполеонъ дѣйствовалъ на самолюбіе (маршалы), получался и соотвѣтственный результатъ: для самолюбія было выгоднѣе измѣнить Наполеону и передаться другимъ.

Всѣ примѣры г. Габаева, вся масса ироніи во всей его обширной статьѣ, весь его пафосъ по поводу необходимости дѣйствовать на низшія чувства окажутся болѣе чѣмъ напрасными по выясненіи, что высокія (доблестныя, героическія, самоотверженныя, благородныя, великодушныя) дѣла являются плодомъ высокихъ же чувствъ (доблести, героизма, самоотверженія, благородства, великодушія, любви къ Царю и отечеству). Г. Габаевъ не понималъ не только общей мысли моей статьи, но, повидимому, ни одной частной. Это доказывается его странными возраженіями на цитируемыя изъ моей статьи мѣста.

Такъ онъ иронизируетъ, что «какимъ, однако, децентрализаторомъ и врагомъ единства въ своей арміи былъ Наполеонъ».... въ виду раздѣленія на разные полки, баталіоны, роты съ различными наименованіями и своими особыми «замѣтными отличками, погонами, выпушками, петличками»....

У меня нѣтъ и намекъ на будированіе по поводу такого раздѣленія, но я понимаю ошибку г. Габаева: онъ не дѣлаетъ разницы между «отличками» и «отличіями» полковъ; такъ какъ продолжаетъ: «и умѣла ихъ цѣнить и гордиться ими, не подозрѣвая, что въ Россіи крылатое слово Грибоѣдова дастъ поводъ высмѣивать значеніе этихъ отличій»....

Попробу г. Габаева удостовѣриться, что въ моей статьѣ

говорится не про отлички по номеру и снаряженію, а именно про другія, про которыя тамъ приводятся и примѣры.

Вообще, чтобы не спорить (повторяю—споръ между нами невозможенъ, такъ какъ одинъ изъ насъ не признаетъ опредѣленнаго наукой значенія извѣстныхъ словъ и понятій), я попрошу г. Габаева и тѣхъ, кому онъ неправильно, хоть и краснорѣчиво объяснилъ смыслъ моей статьи, сравнить послѣднюю съ его объясненіями.

Я не буду приводить послѣдовательно и примѣры, и доказательства, имѣющіяся не только въ статьѣ «Мармонизмъ», но и въ другихъ, которыя прямо показываютъ, что г. Габаевъ говоритъ совсѣмъ не то, да и мнѣ приписываетъ совсѣмъ не то, что есть и въ этой статьѣ и во всѣхъ другихъ.

Правда, онъ сознается въ этомъ, оправдываясь, что не брался разбирать мою статью отъ «а до з», а потому, вѣроятно, и пропускалъ благоразумно все то, что приведено, какъ факты (даже со ссылками) и доказательства... а иронизировалъ надъ придуманными имъ для меня примѣрами наивности (чтобъ не сказать больше).

Но для корректности слѣдовало бы, при такомъ желаніи поиронизировать надъ наивной фантазіей, не приписывать эту свою фантазію другому, а писать, не пристегивая къ данному вопросу, по существу котораго собственно не приведено ни одного возраженія, такъ какъ всѣ возраженія относятся къ выдуманной фантазіи.

Хотя публичное выступленіе (въ печати) и связано съ критикой, анализомъ, рецензіей, но все это легко перенести, если не теряется увѣренность, что читатели объяснятъ это именно такъ, какъ слѣдуетъ. Но когда начинаютъ приводить часть подлинныхъ словъ, опуская доказательства и, наоборотъ, приписывая невозможные выводы и слѣдствія, то становится обидно именно потому, что здѣсь читатель вводится въ заблужденіе относительно выводовъ автора.

Такъ на судѣ нѣкоторые адвокаты посторонними соображеніями стараются подорвать нѣвыгодныя имъ показанія свидѣтелей.

Вообще, зная выводъ психологіи, что споры (полемика) и даже разсужденія имѣютъ самое ничтожное вліяніе («А Васька слушаетъ, да ѣсть...») на взгляды, убѣжденія публики, да и мало ее

интересуютъ, я не люблю вступать въ споръ, если онъ не ведетъ къ новой темѣ или не открываетъ новыхъ горизонтовъ, т. е. не является самъ фактомъ, доказательствомъ, примѣромъ новаго наблюденія надъ явленіемъ жизни.

Въ защитѣ воспитанія арміи дѣйствіемъ на самолюбіе, на взаимное соперничество, спѣсь и превозношеніе другъ передъ другомъ, мѣстничество и вообще въ раздающихся у насъ до сихъ поръ проповѣди и увѣреніяхъ — будто нужно дѣйствовать на слабыя струнки людей. чтобы вызвать у послѣднихъ высокій подъемъ духа и высокія дѣйствія, замѣтно проскальзываетъ вліяніе ученія средневѣковаго іезуитизма, предполагавшаго добрыя и высокія послѣдствія при потаканіи человѣческимъ слабостямъ...

Это потаканіе человѣческимъ слабостямъ и дѣйствіе на эти слабости, чтобы вызвать сверхчеловѣческія дѣла, геройства, рекомендуется у насъ даже въ академическихъ руководствахъ и заучивается до бессознательнаго, до привычки, до рефлекса сужденія. И тотъ выводъ психологіи, которымъ давно руководятся другія государства при воспитаніи и обученіи арміи, выводъ безспорный, единственно вѣрный для созданія надежной арміи, все еще вызываетъ иронию у приверженцевъ потаканія человѣческимъ слабостямъ и дѣйствія на низшія чувства.

Психологія воспитанія говоритъ, что *основной пунктъ воспитанія, это — внушеніе нравственныхъ началъ, притомъ до такой степени, что нравственное воспитаніе нельзя считать законченнымъ до тѣхъ поръ, пока привычка дѣлать добро и избѣгать зло не сдѣлается бессознательной* ³⁾. *Въ особенности это воспитаніе должно научить управлять собой и свято почитать долгъ.*

Въ этомъ, конечно, задача воинскаго воспитанія и несокрушимо будетъ то государство, въ арміи котораго научатся управлять собою (внутренняя дисциплина) и свято почитать свой долгъ Царю, отечеству, семьѣ...

Нѣтъ охоты и тяжело въ первое время заниматься физической гимнастикой для укрѣпленія тѣла; также тяжело первое время заниматься гимнастикой духа, т. е. упражняться въ управленіи собой (внутренняя дисциплина) и въ исполненіи своего долга. Пріятнѣе было бы распуститься и замѣнить исполненіе долга удовле-

³⁾ Изъ Ле-Бона и Гоша «Психологія воспитанія».

твореніемъ самолюбія, удовлетвореніемъ своихъ слабостей. Но кто созналъ пользу и необходимость гимнастики, тотъ заставитъ себя заниматься ею *въ должной мѣрѣ*, а не будетъ умышленно нѣжить, распускать себя и въ то же время иронизировать надъ «ригористами, проповѣдующими въ печати полное воздержаніе отъ злого и сотвореніе блага»... Начинаютъ даже доказывать, что совершенство духа не въ этомъ совершенствѣ, не въ стремленіи къ нему, а въ «грѣхѣ, но въ мѣрѣ»... Тутъ смѣшеніе совершенства христіанскаго съ совершенствомъ души по психологіи, которая подъ этимъ совершенствомъ понимаетъ высшее развитіе ума, воли, чувства, совѣсти.

Но, повторяю, психологія у насъ не въ модѣ и вотъ духовные знахари рекомендуютъ такія средства для воспитанія духа нашей арміи, отъ которыхъ придетъ въ восторгъ самъ сатана, до сихъ поръ не придумавшій—какъ погубить душу человѣка-воина, т. е. отвлечь его отъ исполненія долга.

Статья длинна, а потому откладываю до другого раза описаніе результатовъ пренебреженія выводами психологіи на практикѣ въ нашей военной жизни, результатовъ—хотя видимыхъ, но прямо невѣроятныхъ, какъ, напримѣръ, воспитаніе въ подчиненныхъ отъ обращенія къ службѣ, умышленное дерганіе нервовъ и пр. И это какъ эпидемія, какъ зараза. И все изъ-за нежеланія изучить духъ человѣка, солдата, начальника, его воспитаніе и проявленіе на войнѣ, въ массѣ и отдѣльно; все изъ-за смѣшенія понятій: въ чемъ польза и въ чемъ вредъ.

Совѣстно читать статьи, въ которыхъ осмѣиваются какіе-то ригористы, якобы проповѣдующіе въ печати полное воздержаніе отъ злого и сотвореніе блага... (такихъ, *къ сожалѣнію* еще нѣтъ; есть проповѣдники силы духа); совѣстно потому, что авторъ видимо смѣшиваетъ проповѣдь о совершенствѣ такъ сказать психологическомъ, *состоящемъ въ развитіи ума, воли, чувствъ (въ числѣ высшихъ чувствъ—совѣсть, чувство долга)* съ совершенствомъ религіознымъ, составляющимъ только часть психологическаго (только совѣсти), а именно—*шаблоннымъ «воздержаніемъ отъ злого и сотворенія блага»*.

А. Дмитревскій.

